

Кристаллический корабль скользил над площадью к трём широким дорогам, уходящим далеко в город. Телок вёл их как рулевой в старые времена, и Робаут расположился на скамье, которая появилась из корпуса при его приближении.

Он положил локоть на фальшборт, и материал изменился, подстраиваясь под форму его руки. Он оказался тёплым на ощупь и Робаут убрал руку. Поверхность вернулась в прежнее положение, а оставшийся светящийся отпечаток пальцев и ладони Робаута медленно исчез у него на глазах.

- Вы немало путешествовали, господин Сюркуф, - произнёс Вен Андерс, положив ладан на колени и сев напротив Робаута. - Вы когда-нибудь видели что-то похожее на этот корабль?

- Зовите меня Робаут, и нет, не видел.

- Даже среди эльдаров?

Робаут покачал головой:

- Да, есть поверхностное сходство, но в корабле присутствует что-то слегка... вульгарное.

- Вульгарное? В корабле? Он - прекрасен, - сказал Андерс. - Даже такой суровый сын Кадии, как я может оценить это.

- В мастерстве эльдаров есть лёгкость, которая неподвластна ни одному человеку, - попробовал объяснить Робаут. - Здесь же такое чувство, словно кто-то сильно перестарался, подражая ей.

- Обычно я сообщаю комиссарам о человеке с симпатиями к ксеносам, - заметил Андерс. - Но учитывая, что вы прохвост и вольный торговец, думаю простить вас на первый раз.

- Очень любезно с вашей стороны, полковник Андерс.

- Вен, - сказал Андерс, когда тень огромных покрытых металлом конструкций поглотила их. Оба посмотрели вверх, переключив внимание на искусственный каньон, по которому плыл корабль. Отвесные железные утёсы взлетали ввысь, обтянутые сотнями петлявших труб и кабельных линий. Они цеплялись за каждое здание и переплетались наверху, словно лианы в тропическом лесу. Они гудели энергией.

Отовсюду доносились визг поршней, рёв вентилируемых газов и неустанный дробящий скрежет огромных механизмов. Грохот могучих ударов далёких строительных храмов и сейсмическая пульсация подземных работ наполняли воздух. Сердцебиение планеты. Робаут чувствовал, что кости дрожали в такт с пульсацией промышленности планетарного масштаба.

Курс корабля пролегал между монолитными блоками металлических башен, под сводами решётчатых помостов и вдоль изгибавшихся скоростных магистралей. На подвесных платформах и в открытых стихиях зданий Робаут видел бесчисленных трудившихся сервиторов, словно наблюдал за муравьями в колонии со стеклянными стенами.

Они выглядели иссохшими существами, у которых осталось так мало плоти, что казались почти автоматами. Скованные вместе бригады поворачивали большие зубчатые колёса, тянули гигантские цепи или поднимались по грандиозной молитвенной лестнице, направляясь в мрачном порядке к своей неизвестной новой цели.

Это был экипаж “Томиоки”?

Вместе с сервиторами работали тысячи существ, которых Телок называл кристаллитами. Некоторые сохранили гуманоидные очертания, пусть стекловидные и незаконченные, в то время как другие принимали форму лучше всего подходящую для текущей задачи.

Робаут мельком увидел гигантского кристаллита, который волнообразно, словно многоножка перемещался между двумя вершинами похожих на пирамиды зданий. Размером он легко мог сравниться с “Разбойником”.

– Вы видели это? – спросил Андерс.

– Видел.

– С “Луной Капиталиной” и “Канис Ульфрика” за спиной я чувствовал бы себя спокойнее, – добавил Робаут.

– И я ещё бы не отказался от “Вилки”, прикрывающей фланги, – сказал Андерс. – Они уже выбрали нового принцепса для “Амарока”?

– Не знаю, после Гипатии легио стал держаться совсем замкнуто.

Андерс кивнул, наблюдая, как вспыхивающая дуга коронного разряда танцевала вдоль следующего здания. Плающие вентиляционные башни изрыгали клубы огня и дыма. Нефтехимическая вонь становилась всё сильнее. Вспышки молнии протягивались между дирижаблями и отбрасывали тени на стены.

– Тот шторм приближается, – заметил Робаут, смотря на низкое небо, прикрыв глаза ладонью. Тёмные полосы тяжёлых ядовитых облаков спускались к земле.

– Похоже, – согласился Вен Андерс.

- Думаете, это опасно?

- Думаю, тут всё опасно.

Робаут рассмеялся, но затем увидел, что Андерс говорил совершенно серьёзно.

- Тогда позвольте заметить, что вы выглядите совершенно расслабленным для человека в полной готовности.

- Такой у кاديанцев характер, - ответил Андерс.

Никакие две конструкции на Экснихлио не выглядели одинаковыми, и Робаут изо всех сил пытался понять их назначение. Одни были похожи на кузни, другие - на колоссальные электростанции. Некоторые выглядели недостроенными, а ещё больше - покинутыми или почему-то разрушенными.

Что-то казалось Робауту странным в городе, что-то не давало ему покоя с тех пор, как они приземлились. Здания имели чисто функциональное назначение, очень напоминая "Сперанцу", но с одним важным отличием. Сколь уродливым ни был ковчег Механикус, благодаря богатой иконографии в нём всё равно безошибочно угадывался корабль Марсианского Духовенства. Черепа в зубчатых шестерёнках, мортис-ангелы, бинарные писания и механизированные фрески украшали любое не отданное чистой практичности пространство.

Частично символ власти, частично дань театральности, но для любого слуги Императора было невозможным избежать мрачных образов, столь любимых Террой и Марсом.

- Где все черепа? - спросил он.

- Что? - переспросил Андерс.

- Черепа, - повторил Робаут. - С тех пор как мы приземлились, я не видел ни одного зубчатого черепа и вообще никаких символов Механикуса.

- И не увидите, господин Сюркуф, - произнёс Телок с кафедры рулевого. - Не увидите, пока я правитель Экснихлио.

Робаут посмотрел на архимагоса. Он не шептал, но точно не говорил громко. Звуки города должны были легко заглушить слова Робаута, но возможно слуховая аугментация Телока позволяла отфильтровывать фоновый шум.

- И почему же? - спросил он.

– Я вне галактики и вне Механикус, – ответил Телок, и Робату показалось, что слова архимагоса отозвались от структуры кристаллического корабля.

Котов беспокойно поднял голову, услышав провокационные слова Телока.

– Я создал всё, что вы видите здесь, господин Сюркуф. Я, а не Механикус и не Империиум. Зачем тратить ресурсы и время на бесполезные украшения, которые никто не увидит, когда ещё так много предстоит сделать? Дыхание Богов показало мне, сколь много утратили Механикус и сколь мало они помнят из бывшего величия. Я верну им его. Я спасу Марс от него самого!

В комнате было темно, но Линья Тихон изменила это мыслью. Включилось мягкое освещение, без источника и без спешки. Комната была обставлена по-спартански: только кровать, вешалка с мантией в нише, терминал и стул из отформованного пластика перед ним и скромная кабина для омовений.

Она откинула одеяло и села, болтая ногами над полом. Под ногами было тепло. Линья сморгнула остатки плохого сна, чего-то неприятного, но уже исчезнувшего. Она коснулась висков и странно посмотрела на кончики пальцев, словно ожидала увидеть что-то необычное.

Покачив головой, Линья налила воду из медного кувшина в пластмассовый стакан. Она не помнила, что возле кровати была вода, как и стол со стаканом, но всё же сделала глоток.

Вода оказалась прохладной и чистой, словно её совсем недавно зачерпнули из горного источника или глубин древнего ледника. Она утолила жажду, но не принесла чувство свежести.

Линья встала и взяла одежду, надев через голову и извиваясь в ней, прежде чем затянуть в талии.

Налив второй стакан воды, она села на пластиковый стул перед терминалом и вывела прошлый цикл загрузок систем галереи. Километровые приборы обнаружения, окружавшие галерею Кватрии, непрерывно всматривались в космос, собирая огромное количество данных о далёких астрономических явлениях.

Но данные обретали смысл только после интерпретации.

Линья просматривала прокручивавшиеся колонки цифр, мерцавшие снимки сегментов неба и информацию о самых отдалённых звёздных скоплениях в рукаве Персея, где обнаружили первую пульсирующую звезду.

Линья позволила данным течь сквозь себя, отмечая времена и расстояния с каждой перелистанной страницей. Пока ничего необычного. Она постучала рукой по стене – и её часть

стала прозрачной, создав окно, которое смотрело в пустоту и сверкавшие звёзды. Не настоящее окно, конечно, просто пикт-представление того, что располагалось за пределами её герметичной и бронированной каюты. Наличие настоящего окна несло слишком много рисков. Абляционные каскадные эффекты от давно прошедшего космического конфликта заполнили орбитальные траектории Кватрии многочисленными обломками, сделав планету внизу почти недоступной.

Только экстренный подъём на орбиту захоронения и строго соблюдаемые защитные протоколы уберегали галерею Кватрии от последствий войны. Механикус хотели покинуть галерею, отправить оборудование на переработку или перепрофилировать для более полезных областей исследования, но Виталий Тихон решительно отказался консервировать любимую лабораторию.

Подумав об отце, Линья вывела трёхмерное изображение внутренней структуры галереи, состоявшей из двух вращавшихся конусов, связанных на кончиках тонким соединительным проходом, и огромных пролётов далеко выдвинутых систем обнаружения, расходившихся из плоских оснований. Персонал галереи был очень немногочисленным: только Линья, её отец, шесть лексмехаников и несколько сервиторов.

Линья нахмурилась. Символа Виталия не оказалось на борту.

- Где ты, отец? - прошептала она.

Возможно, он был снаружи, ремонтируя сместившееся зеркало или отражатель щита, но она сомневалась в этом. Это было работой сервиторов. В любом случае отцу не нравилось покидать пределы станции по пустякам. И в любом случае он сказал бы ей об этом.

Линья прижала палец к уху и спросила:

- Отец? Ты меня слышишь?

Единственным ответом стал слабый шум статики, напоминавший ласковые волны по песку. Линья нахмурилась и повернулась к искусственному окну, используя тактильные имплантаты на кончиках пальцев, чтобы перемещать внешние пиктеры вокруг станции. Металлическая обшивка галереи представляла собой флексисталь гранитного цвета, слегка рябившую от подводных отражений ближайших энергетических полей. Линья изучала полученную картинку и искала похожий на краба транспорт, который они использовали для маневрирования вокруг корпуса и текущего ремонта.

Она достаточно быстро нашла его: он по-прежнему был пристыкован к одному из верхних пересадочных хабов. Корабль омывала корона света от планеты внизу.

Холодный ветерок пробежал по шее Линьи, и она повернула стул. Дверь в кабину оказалась открыта, что было необычно. Не слишком много человек жили на борту галереи, чтобы искать

уединения, но было трудно избавиться от старых привычек. Линья с трудом верила, что оставила дверь открытой.

- Там кто-то есть? - спросила она.

Никто не ответил, но значило ли это, что никого не было?

Она встала и закрыла терминал. Линья повернулась к окну, но рука, совершавшая тактильный жест, чтобы закрыть его, остановилась, когда она увидела что-то необычное.

Или, скорее, она не увидела, что-то необычное.

Кватрия по большей части представляла собой инертную породу, ржавый красный шар окиси железа и толеитового базальта. Во время путешествия на орбите она почти всегда выглядела, словно затянутая туманной дымкой из-за постоянно растущей массы каменных обломков.

Сейчас Линья видела планету такой, какой не видела уже десятки лет, с прекрасной чёткостью и ясно различимым рельефом местности.

Ветерок снова коснулся шеи, и она обернулась. Возникло чувство, что кто-то стоял прямо за спиной. Едва различимые очертания фигуры мелькнули за дверью. Слишком быстро, чтобы успеть узнать.

- Подождите! - крикнула Линья.

Она быстро пересекла комнату и вышла в коридор. Голый металл изгибался в обоих направлениях, но шелест ткани о сталь повернул её взгляд вправо. Ещё одно едва различимое движение. Линья направилась за фигурой, даже не зная, что именно преследовала или что ожидала найти.

Механикус не разыгрывали друг друга, а появление на борту незваного гостя казалось маловероятным. Любой корабль обнаружат за месяцы, прежде чем он достигнет их. И что незванный гость надеялся получить от тайной высадки?

Линья остановилась на перекрёстке, высматривая любой признак фигуры, которую видела раньше.

- Эй? - сказала она. - Здесь кто-нибудь есть?

Ответом стала тишина. Кватрия была большой станцией, но не настолько большой и сложной по внутреннему расположению, чтобы потерять кого-то. Она знала, что без присутствия отца должна чувствовать себя очень одинокой. Сервиторы и лекс-механики плохо подходили для

дружеского общения, но, как ни странно, она совсем не чувствовала себя одинокой.

Было чувство, словно невидимые глаза следили за ней. Столь же навязчиво, столь же и скрыто наблюдая за ней, Линья не ощущала угрозы, только усталую грусть.

- Кто вы? - сказала она в темноту. - И как вы оказались на борту Кватрии?

Сводящая с ума тишина окружала её - и Линья сжала кулаки:

- Что вы сделали с моим отцом? Где Виталий? - потребовала она, неожиданно почувствовав прилив печали при упоминании имени отца.

Линья услышала тихие шаги за спиной и повернулась.

В центре коридора стоял магос в чёрной мантии, сложив руки перед собой, его лицо скрывали непроницаемые тени капюшона. Только мягкое мерцание серебряных глаз указывало на наличие аугметики.

Линья поняла, что испуганно пятится. Она не знала этого человека, но инстинктивно насторожилась.

< Здравствуйте, госпожа Тихон, > произнёс адепт, говоря на архаичном бинарном коде, который она в последний раз слышала в гробницах склепов Страданий Скиапарелли.

< Кто вы? > спросила она на том же самом коде. < И где мы? >

< Разве вы не узнаете это место? >

< Я узнаю то, на что оно похоже. >

Адепт вздохнул:

< А мы так старались восстановить его по вашим воспоминаниям. >

< Оно очень похоже на Кватрию, > признала Линья, < но вы забыли про орбитальные обломки после космической войны. >

< Мы не увидели их в ваших воспоминаниях. >

< Они такая неотъемлемая часть Кватрии, что я и не думала о них, они просто... есть. >

< Слепота памяти. Да, это всё объясняет, > сказала фигура.

< Теперь скажите мне, кто вы. >

< Вы ещё не знаете? У нас были такие большие надежды на вас. >

< Ещё не знаю, > ответила Линья, хотя ужасное подозрение формировалось в её мыслях. < Скажите мне, почему я здесь и где это “здесь”. >

< А, тогда сейчас мы скажем вам, госпожа Тихон, > произнёс адепт. < Вы здесь, потому что вы исключительная, госпожа Тихон. Это место, где одинаково мыслящие люди встречаются в коллективной нейроматрице для дискуссий и обмена опытом. Вы не единственный исключительный разум здесь, госпожа Тихон, есть и другие. Мы обещаем, что вы внесёте большой вклад в наше постоянное развитие. >

< Таким образом, это – общее эмпирическое сознание? >

< Да, в некотором роде. >

< Ваше? >

< Можно и так сказать, > согласился адепт.

< Я не хочу здесь находиться, > сказала Линья. < Я хочу, чтобы вы освободили меня и позволили нейронным связям восстановиться в моём теле. >

< Боюсь, мы не можем сделать это, Линья, > ответил адепт.

< Почему не можете? >

< Видите ли, произошёл несчастный случай, > объяснил адепт. < Ваше тело серьёзно пострадало, и это был единственный способ сохранить ваш исключительный разум и не позволить ему исчезнуть навсегда. >

Линья услышала ложь в словах адепта, но также и правду. Она же была ранена, так? Тяжело ранена. Она почувствовала головокружение и протянула руку к стене, чтобы сохранить равновесие, когда ноги неожиданно отказались поддерживать её. Стена была тёплой наощупь. Это тепло превратилось в жгучий жар, и Линья одёрнула руку.

< Я обгорела, > произнесла она, чувствуя, как медленно воспоминания поднимаются на поверхность. Она загнала их глубже, ещё не готовая предстать перед такой болью.

< Как мы уже говорили, вы были тяжело ранены, > продолжил адепт. < Если вернуть вас в ваше тело, вы умрёте в мучениях за несколько секунд. Поверьте нам, это самый лучший выход. Здесь вы будете жить, увеличивая целое суммой изученного вами, вашим опытом и жадой знаний. Разве это не лучше смерти? >

< Я хочу знать, где я, > произнесла Линья. < Чей это общий разум? >

Она почувствовала взгляд невидимых глаз, не желавших, чтобы она продолжала упорствовать. Линья проигнорировала их. Она никогда не уклонялась от свершившихся фактов или неудобных истин.

< Мы можем показать вам, но века опыта научили нас, что для разума лучше самостоятельно прийти к осознанию новой реальности. Мы не один разум потеряли из-за переходного шока, и вам лучше поверить нам, когда мы говорим, что это – самый болезненный способ прекращения существования. >

< Покажите мне, чтоб вас. >

< Хорошо, > сказал он. < Мы изменим центры восприятия вашего мозга для получения информации извне и осознания непосредственного окружения. Ваши воспоминания также разблокируются, но мы должны предупредить, что увиденное вам очень не понравится. >

< Хватит тянуть и показывайте мне. >

Адепт кивнул и шагнул к стене.

Руками, похожими на десятки лезвий-скальпелей, переплетённых медным проводом, адепт растянул окно на стене. Вспыхнул идеально чистый свет, яркий и беспощадный.

Линья направилась к свету, чувствуя сопротивление невидимых наблюдателей, которые безмолвно кричали ей отступить. Каждый шаг давался так, словно она шла к плахе, но она сама пожелала развязки. Теперь она не могла отступить.

Она подошла к свету и посмотрела в окно. Увиденное не имело никакого смысла без памяти, которая очертит его и укажет контекст.

Воспоминания вернулись мгновенно – с лёгкостью повернутого в замке ключа, и на врата гиппокампа обрушились синаптические вспышки, взрывавшиеся в коре головного мозга.

Линья увидела тело на окровавленных простынях, тело с её лицом. Тело со вскрытым черепом и удалённым мозгом.

В исключительный момент ужаса Линья полностью вспомнила, где она была и что с ней сделала Галатея.

Коридор был в десять метров шириной, с волнистыми стенами и зелёными решётчатыми стальными пилястрами. С арочного потолка зловеще ухмылялись горгульи, а со ржавых заклёпок и губ полускрытых статуй в укромных нишах капала вода. Рота кадианцев в боевом темпе бежала под их взглядами, постоянно сохраняя внимание на маршруте впереди.

Капитан Блейн Хокинс бежал во главе колонны, двигая руками в равномерной точности, прямо как поршни в зале, который они только что покинули. Несмотря на холод, он сильно вспотел, и мундир прилип к коже. Дыхание вырывалось из лёгких с каждым гулким шагом.

На Кадии он мог бежать так часами.

Но это была не Кадия.

Девяносто три человека позади него устали, но не показывали это. По его подсчётам, они пробежали примерно пятнадцать километров в полной выкладке по петляющим внутренностям “Сперанцы”, хотя трудно было точно сказать, насколько близки они к цели. Ковчег Механикус являлся настоящим кошмаром для перемещения или сохранения чувства расстояния.

Данное обстоятельство затрудняло планирование приемлемой защиты корабля, но трудности были мясом и соусом для кадианцев. Впереди коридор разветвлялся налево и направо с высокой статуей магоса в капюшоне на V-образной развилке.

– Опасные углы, обезопасить фланги для наступления! – крикнул Хокинс.

Едва слова сорвались с губ, как рота разделилась на две части. Чётные пошли налево, нечётные направо. Первые отделения двигались близко к стенам коридора, но не вдоль них. Отрикошетившая пуля могла пролететь вдоль стены сто метров или больше. Чётные нацелили лазганы на правый проход, нечётные на левый. Хокинс занял позицию с чётными, крепко прижимая приклад винтовки к щеке.

Отделения в арьергарде роты приняли почти такое же формирование, прикрывая тыл.

– Чисто!

– Чисто!

– Замыкающие отделения, вперёд! – крикнул Хокинс.

Прикрывавшие тыл теперь перемещались в авангард, слаженно и чётко взяв на себя

инициативу благодаря тренировкам. Хокинс пошёл с ними, на ходу прикрывая людей впереди. Отделения наблюдения заняли позицию сзади, пока Хокинс бежал в начало колонны.

Это была их десятая боевая тренировка на пути к учебной палубе. Они отрабатывали коридорные бои, зачистки помещений в пустых храмах-кузнях и даже провели разведку боем в огромном ангаре, заполненном разбитыми подъёмными кранами.

Космический корабль являлся одним из самых неблагоприятных мест для боя. Корабли были тёмными, плохо исследованными, тесными и часто изобиловали пробоинами с рваными краями и заполненными вакуумом отсеками. Такие не прощающие ошибок поля битв идеально подходили для интенсивных тренировок, и Хокинс не собирался впустую тратить весь этот продолжительный период времени на борту и не воспользоваться по максимуму окружающей обстановкой.

Рота двигалась по зловещему коридору, расплёскивая лужи на неровных пластинах палубы. Они бежали под внимательными взглядами механических херувимов и парящих черепов, которые носились над головами, выполняя таинственные поручения марсианских хозяев.

Хокинс провёл ещё две тренировки: пересечение перекрёстка и зачистка сетчатого зала с подвесными цепями. Его потолок скрывался в облаках горячего пара, а стены слегка дрожали от молнии в массивных стеклянных цилиндрах.

Наконец марш-бросок Хокинса и его людей подошёл к концу. Они ни разу не замедлили боевой темп, но всё же почувствовали облегчение, наконец добравшись до места назначения.

Хокинс вывел роту на широкую открытую платформу, откуда открывался вид на учебную палубу, феодальное владение магоса Дахана. Это огромное пространство располагалось в самом центре “Сперанцы”, гигантская и постоянно изменявшаяся арена, где вооружённые силы ковчега Механикус могли обучаться при помощи множества разнообразных боевых симуляций.

Дахан предоставил кадианцам возможность пройти через несколько непростых испытаний.

Ничего, с чем они не смогли бы справиться, но всё же бросившее вызов их навыкам. Несмотря на заверения Дахана в обратном, Хокинс знал, что секутор вообще не понимал кадианцев.

Мало кто понимал.

В конце концов, какой мир Империи нежил в зловещем сиянии Ока Ужаса? Какие солдаты учились держать лазган, прежде чем начинали ходить? Каким полкам достались шрамы, о которых другие могли только мечтать, прежде чем они даже покинули место своего рождения?

К раздражению Хокинса, рота Рея уже оказалась здесь. Люди старшего сержанта

расположились на краю платформы, наблюдая, как внизу скитарии сражались в макете лагеря орков, который заполнял ближайший сектор учебной палубы.

Вдали почти в километре от них, среди башен, собранных из стальных конструкций, с хищным изяществом двигались титаны легио Сириус. Палуба слегка дрожала от их чудовищной поступи. Хокинс быстро сотворил знак аквилы на груди, вспомнив какие разрушения произошли в прошлый раз, когда боги-машины шагали по тренировочной палубе.

К счастью, всё выглядело так, словно легио просто отрабатывал маневрирование.

- Рота, стой, - приказал Хокинс. - Расслабиться. Пять минут.

Рота разбилась на отделения, солдаты воспользовались возможностью размять уставшие мышцы и утолить жажду из обёрнутых тканью фляг.

Сержант Рей приблизился, судя по красному цвету лица, он выжал из своих людей всё, как и положено хорошему сержанту.

- Рад видеть, что вы, наконец, присоединились к нам, сэр, - произнёс Рей, предлагая сделать глоток из фляги. Хокинс взял её и сделал несколько глотков. Выпить слишком много воды и слишком быстро являлось верным способом вызвать сильные желудочные колики.

- Давно вы здесь? - спросил Хокинс.

- Примерно десять минут, - ответил Рей, даже не пытаясь выглядеть скромнее от того, что справился с марш-броском быстрее своего командира.

- Чёртов корабль, - сказал Хокинс. - Гравитация другая. Всё совсем по-другому, чем когда под ногами добрый кадианский камень.

- Адепт Дахан сказал, что здесь стандартная терранская гравитация.

- Чёртов Дахан и чёртова его гравитация, - резко ответил Хокинс, хотя охлаждающий эффект воды и возможность дать ногам передохнуть уже ослабляли его раздражение. - Ладно, тогда корабль дал вам путь короче.

- Корабль? - спросил Рей, изогнув бровь. - Действительно?

- Вы не хуже меня знаете, что у этого корабля есть собственный разум, когда дело заходит о его внутренней структуре, - сказал Хокинс, сделав ещё глоток.

- Верно, нам на пути встретились несколько неожиданных поворотов, - согласился Рей.

- Несколько неожиданных поворотов? - сказал Хокинс. - Это мягко сказано. Не важно, сколько часов я изучаю схемы на инфопланшете или чертежи корабля на вощёной бумаге, у "Сперанцы" всегда окажется туз в рукаве. Поворот, который появляется не там, где положено, расходящийся маршрут, которого нет ни на одном плане.

- Это - странный старый корабль, скажу я вам, - произнёс Рей, предприняв неуклюжую попытку сложить шестерёнку Механикус, чтобы загладить любую обиду в своих словах.

Хокинс вернул флягу Рею и облокотился на перила, выходившие на тренировочную палубу:

- Рад видеть, что мы понимаем друг друга, сержант.

Рей сделал глоток и повесил флягу на ремень.

- Что-нибудь есть от полковника? - спросил он.

Хокинс покачал головой:

- Без изменений, но Азурамаджелли сказал мне, что с поверхности не поступает вообще никакого вокс-траффика.

- Нас должно это встревожить?

- Да, думаю, должно, - сказал Хокинс, заметив на эспланаде платформы коротко подстриженного высокого человека с серебристыми волосами. Сначала он ошибочно принял его за одного из людей Рея, но теперь видел, что человек носил простой рабочий комбинезон и невзрачный подбитый плащ, украшенный стилизованным канидайским символом. У кاديанцев обычно были худые осунувшиеся лица, но у этого мужчины были упитанные и покрытые шрамами скулы дикого дворянина или воинственного лорда улья. Взгляд ледяных глаз метался из стороны в сторону, следя за тренировкой скитариев под громкие приказы Дахана.

Нет, не так.

Его не интересовали скитарии. Он наблюдал за титанами.

- Кто он? - спросил Хокинс, кивнув в его сторону.

- Трудно сказать, - ответил Рей. - У него поднят воротник, но я заметил разъём на тыльной стороне шеи и металлические кончики пальцев. Это и канидайский герб заставляют меня

думать об экипаже титана.

- Тогда почему он не с ними?

- Не знаю.

Хокинс выбросил мысли о незнакомце из головы. Какая разница, кто он? На борту “Сперанцы” находились десятки тысяч человек, которых он не знал. Одним больше, одним меньше – какая разница?

- Хорошо, – сказал он, выпрямившись. – Начнём.

Рей кивнул и повернулся к двум ротам, которые уже встали и распахивали снаряжение в под сумки на плечах и бёдрах.

- Роты! – взревел Рей голосом, известным сержантам по всему Империи. – Магос Дахан построил несколько арен, которые, по его мнению, окажутся нам не по плечу. Покажем ему, что он не прав?

Солдаты усмехнулись и быстро построились. Это стало предметом гордости, что они могли справиться с любыми испытаниями арен Дахана, которые он мог предложить.

Хокинс первым направился по металлической лестнице вниз к тренировочной палубе.

Он посмотрел на человека с серебристыми волосами и шрамами на щеках. Почувствовав взгляд Хокинса, он махнул рукой и крикнул кадианцам:

- Вы направляетесь на боевую симуляцию? Сейчас?

Хокинс крикнул в ответ:

- Мы редко добираемся до боя отдохнувшими, так почему бы и нет?

- Вы с ума сошли!

- Мы – кадианцы. Это одно и то же.

Глоссарий:

extropic – экстропия

Forge Elektrus – кузница “Электрус”

Karis Cephalon – Карис-Кефалон

Stellar Primogenitor – Звёздный Прародитель

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658867>